

**В**ОРОНЕЖСКИЙ драматический театр имени Алексея Кольцова привез на гастрольный отчет в Москву восемь спектаклей. Среди них только пьесу И. Радоева «Красное и коричневое» воронежцы поставили первыми в стране. Выбор других названий, не новых для москвичей, выявляет четкую репертуарную позицию одного из старейших русских театров: формирование нравственного идеала современника.

**Ч**ЕЛОВЕЧЕСКАЯ память... Ей мы обязаны всем лучшим в нас, подлинным, вечным. Преданность родной земле, верность павшим за нее всегда рождает патриотические чувства. Надо ли говорить, что включение в репертуар пьесы «А зори здесь тихие...» по повести Б. Васильева делает честь театру. Просто, искренне поставлен этот спектакль В. Соловьевым. Как в задушевной русской песне слово за словом, так здесь эпизод за эпизодом, неторопливо складывается, нарастает, взрывает душу светлая народная печаль.

Воронежцы не ссылаются ни с одним из известных спектаклей в режиссерской изобретательности, откровениях художника. Пять русских березок, оживляющих подвижной станок (он и лес, и дорога, и поле боя), не претендуют на символ, но становятся лирическим заповедом к истории о погибших зенитчицах (художник Е. Брежнев.). Сцены боя, шествия по болоту, схватки с врагом приглушены, затенены в спектакле. Но зато высвечиваются характеры. Бесконечное доверие вызывает не жадная до земных радостей, мудрая в горе солдатская душа старшины Васкова (В. Соколов). Любовь к Отчизне, святое чувство долга перед ней в Васкове — естественные, коренные черты. И в девушках-зенитчицах неженское их мужество рождено любовью к Родине, чувством, воспитанным с детства. Женя (И. Мысковская), Лиза (Н. Гуцол), Соня (Л. Митлинова), Рита (Р. Кириллова) становятся таким же светлым примером, как Люба Шевцова, Уля Громова.

Ребенок на войне — вот тема, которую четко разрабатывает Т. Краснопольская в роли Гали Четвертак. Страх, толкнувший Галю под вражеские пули, сыгран точно, без путаного копания в его истоках. Просто в какой-то момент не выдержала туго натянутая струна, жизнь оборвалась от непосильной тяжести, разом свалившейся на впечатлительную девушку, от чудовищного нервного напряжения. Рядом с таким образом Гали Четвертак еще

возвышеннее истинный подвиг остальных девчат.

**П**ОКОЛЕНИЮ, пришедшему на смену героям Б. Васильева, посвящает театр «Иркутскую историю» А. Арбузова.

Возвратив в сегодняшний день эту популярную пьесу, прекрасный образ строителя Сергея Серегина, режиссер Г. Дроздов устанавливает преемственность современного героя. Через Серегина он передает эстафету подвига Васкова представителю наших дней — инженеру Чешкову из пьесы «Человек со стороны» И. Дворецкого. Это вполне логично прочерченная линия разви-

недопустимое во имя ложно понимаемой гуманности. При этом жесткий в деле воронежский Чешков остается чутким.

Театр, по всей очевидности, вообще весьма дорожит этим качеством. С желанием возбудить в современнике чуткость, теплоту, внимание к окружающим поставлена В. Соловьевым комедия «Сослуживцы» Э. Брагинского и Э. Рязанова. Это еще один аспект духовного обогащения современника.

Исполнитель роли строгого, замкнутого Чешкова — В. Седов играет в «Сослуживцах» трогательно милого, сангвинического Новосельцева.

гreet» А. Островского и Н. Соловьева.

«Иванов» (режиссер Г. Дроздов, художник Н. Гапонова) — премьера театра.

Чеховское «никого не обвинил, никого не оправдал» здесь не принимается во внимание. Театр не столько анализирует духовную драму героев, сколько обвиняет «преждевременно утомленных людей», «с распушенными нервами». Эта мысль могла бы прозвучать вполне современно, если бы театр нашел для ее выражения соответствующие художественные средства. Пока мысль эта лишь намечена.

очень важны образы Саши и доктора Львова, к сожалению, сыгранные в спектакле не совсем точно. В Саше выявлены напористость, энергичное стремление подчинить себе ускользающего Иванова. Победительницей приезжает она к нему в дом, властно говорит с ним, а в финальной сцене просто приказывает: «Поезжай в церковь!». Саша в этом спектакле — больше всего дочь своей матери (К. Трапезникова), примитивной и жадной до собственности. А ведь Р. Кириллова способна и на лирические краски, она доказала это в роли Оли Васильковой в спектакле «Светит да не греет». Сложнее у Чехова и доктор Львов (А. Гладнев), живущий отвлеченными формулами о порядочности, проповедник демагогической, а не истинной любви к ближнему.

Гораздо ближе авторской позиции оказался спектакль «Светит да не греет» в постановке Ф. Веригиной. Огромные зеркала заполняют апартаменты Анны Владимировны Реновой (художник Н. Патрикеев). Их отраженный, холодный свет ассоциируется с характеристикой образа героини. Способная воспринять мелькнувшие в ее поле зрения лица, она остается холодна и безразлична к судьбе прошедших через ее жизнь людей. Ренова в исполнении Р. Мануковской — не только характер. Это большое актерское обобщение эгоизма, самовлюбленности, внутренней пустоты.

Итак, восемь спектаклей.

Знакомство со сценическими героями воронежцев, утверждение театром высоких нравственных критериев — от подвига Димитрова до активного вторжения в жизнь Чешкова — оставляют глубокое удовлетворение. Но, воскрешая в памяти спектакли, начинаешь задумываться, что театр порой останавливается на житейской, бытовой правде характеров, не углубляясь в социальный, философский анализ жизненных явлений.

Нет слов, ставка на актера, которому доверяется исследование, оценка, психологическая характеристика образа — испытанное и верное театральное оружие, живая и ценная традиция русской театральной школы. Но очень хочется, чтобы известный и сильный коллектив жил более многогранно, продемонстрировал не только безупречную профессиональную уверенность. Хочется, чтобы рядом с бытовой достоверностью, житейской правдой жили на воронежской сцене романтика, мысль, театральность.

Г. ВЛАДИМИРОВА.

## ГАСТРОЛИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

# ФОРМИРУЯ НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ...

тия положительного героя: с фронтовой передовой — на крупнейшую стройку, а затем — на главные рубежи научно-технической революции.

Чешков оказывается достойным преемником романтического, самоотверженного Сергея. Возвышенный девиз Серегина «Надо, чтобы доло человека было чуточку лучше, чем он сам», Чешков понимает глубже. Он выбирает, находит и делает дело, которое требует максимальной активности, напряжения, борьбы. «Чуточку лучше» — для Чешкова малая мерка.

В «Иркутской истории» театр подчеркивает нравственное выпрямление человека. Право режиссера выбирать тот или иной аспект этой темы. Главным объектом пристального внимания Воронежского театра становится Виктор (Ю. Веригин), его стремление стать вровень с Сергеем (В. Соколов) по своим человеческим качествам. Не последнюю роль сыграла здесь работа актера Ю. Веригина.

В «Человеке со стороны» основной критерий морально-этических ценностей — отношение к делу. Беспредельной деловой увлеченностью и интересен для нас Чешков, каким играет его В. Седов. Деловая сосредоточенность Чешкова противостоит в спектакле сентиментально-семейной атмосфере нережеского коллектива, привыкшего прощать

Спектакль (режиссер В. Соловьев, художник Н. Гапонова) вообще получился сердечным, лиричным. Большая заслуга в этом — искренняя актерская работа Р. Мануковской в роли Калугиной.

Комедия О. Иоселиани «Пока арба не перевернулась» в постановке Г. Черкезишвили возвращает нашу память в «тот уголок земли», который есть у каждого человека. Любавно воссоздает обстановку грузинского дома художник Г. Церадзе. Теплую привязанность к земле мы живо ощущаем и у Агабо (А. Ильин), и у Кесари (М. Шишлова). Зал аплодирует каждой маленькой победе Агабо над сыновьями и их женами. Сочно играют актеры неприспособленность городских жителей к сельскому быту, к крестьянской работе. Но за этим живописным изображением, к сожалению, мелькает изначальный замысел пьесы: Агабо собрал сыновей под родной кров не для того, чтобы посмеяться над ними, а чтобы заставить опомниться, оглянуться, вновь почувствовать трудную сладость работы на земле, наш общий сыновний долг перед нею. К сожалению, грусть Агабо, его беспокойство за судьбу людей, беззаботно отрывающихся от корня, заслоняется развлекательностью.

**И**З РУССКОЙ драматургии воронежцы выбирают «Иванова» А. Чехова и «Светит да не

В доме Лебедевых, неприбранном, зачехленном, с потолка свисает затянутая в серое люстра. С нее постоянно сыплется штукатурка, и действующие лица старательно обыгрывают эти «удары судьбы», неизменно вызывая смех зрительного зала. В финале, после выстрела Иванова, люстра, наконец, брякается на пол. Прихлопнуты бездеятельная порядочность Иванова, расчетливость Лебедевой, «разочарованность, апатия, нервная рыхлость и утомляемость ноющих и тоскующих людей». Все разом.

Очевидно, прямым поводом к этой режиссерской метафоре послужило чеховское замечание: «Тяжелые люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью». Но чеховская жажда преодолеть бездеятельность, отринуть вялый и пагубный паразитизм общества, чеховская мысль, текст, язык выше иллюстративного режиссерского хода. Задуманное режиссером и художником сравнение героев с истерзанными атлантами (так выглядят кариатиды у дома Иванова), которые ничего не несут на себе, — тоже иллюстрация.

Да, Чехов вскрыл пороки современного ему общества, но он и показал большую человеческую драму. Более того, он выразил свое отношение к умозрительному, а потому бесплодному протесту против Ивановых. С этой точки зрения